

Глава 14

Консерватизм

Консерватизм — это система воззрений в отношении окружающего мира, тип сознания и политико-идеологических ориентации и установок, который так же, как либерализм, социал-демократизм, марксизм не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями. Консерватизм вобрал в себя различные, порой противоречивые идеи, концепции, доктрины, традиции. Характерно, что в четырехтомной антологии "Мудрость консерватизма" среди приверженцев консервативной традиции перечислены такие разные по своим социально-философским и идейно-политическим позициям мыслители, как Платон, Аристотель, Цицерон, Макиавелли, Болингброк, Берк, де Местр, де Бональд, де Токвиль, Ницше, Гамильтон, Адаме, фон Хайек и др. [149]. Обращает на себя внимание историческая многовариантность консерватизма.

История консерватизма начинается со времен Великой французской революции, бросившей вызов самим основам "старого порядка", всем традиционным силам, всем формам господства наследственной аристократии. Именно с того времени берут начало две классические традиции консерватизма: первая, восходящая к французским мыслителям Ж. де Мэстру и Л. де Бональду, и вторая, связанная с английским мыслителем Э.Берком. Если в англосаксонских странах утвердился в основном берковский вариант консерватизма, то в странах континентальной Европы — своеобразный синтез идей, ценностей и установок обеих традиций, которые, естественно, в каждой конкретной стране, особенно в современных условиях, проявляются в национально-специфических формах.

14.1. Сущностные характеристики консерватизма

Впервые основные положения консерватизма были сформулированы в работах Э.Верка, Ж. де Местра, Л. де Бональда и их единомышленников и последователей. Как правило, отправным пунктом современного консерватизма считается выход в свет в 1790 г. знаменитого эссе Э.Верка "Размышления о революции во Франции". Серьезный вклад в развитие консервативной традиции внесли русские философы, социологи и политические мыслители: К.Леонтьев, Н.Данилевский, В.С.Соловьев, И.Ильин во второй половине XIX — начале XX в., а после прихода к власти большевиков — ряд представителей русского зарубежья. Сам термин "консерватизм" вошел в обиход после основания Шатобрианом в 1815 г. журнала "Консерватор". Основатели консерватизма противопоставили выдвинутому европейским Просвещением и Великой французской революцией идеям индивидуализма, прогресса, рационализма взгляд на общество как на органическую и целостную систему. В этой связи следует отметить, что, хотя экономика конца XVIII — начала XIX в. характеризовалась бурными темпами развития, общественно-политическая мысль этого периода отмечена печатью реставрации, проявившейся в появлении так называемых теократических политических учений, возрождении теорий божественного происхождения государственной власти вообще и королевской власти в частности. К тому периоду относится также формирование "историзма", "исторического миросозерцания". Наряду с верой в силу человеческого разума снова получает популярность мысль о неразрывной связи человека с прошлым, с вековыми традициями и обычаями, происходит историзация человеческого мышления. К этому же периоду относится дальнейшая интенсивная разработка органической теории государства, в которой последнее отождествлялось с существом, имеющим самостоятельное от отдельных личностей существование и стоящим над ними, обладающим внутренней жизненной силой и способностью к самосохранению.

Следует отметить, что начавшиеся формироваться в первой половине XIX в. позитивизм О.Конта и социализм А.К. Сен-Симона являлись реакцией на идеи социального атомизма, возрожденческо-просветительского индивидуализма и результаты Великой французской революции, стремлением к их духовному преодолению. В поисках органических начал в организации общества они были весьма близки основателям континентальной консервативной традиции Ж. де Мэстру и Л. де Бональду. Объясняя власть и общество волей божьей, Л. де Бональд рассматривал власть как живое существо, призванное сохранить общество. "Воля этого существа, — говорил он, — называется законом, а его Действия — правительством". Как и живое существо, общество Имеет свое детство, юность, зрелость. Возражая Руссо и Канту, Которые считали, что общество создано человеком для человека, Де Бональд утверждал:

Человек существует только для общества; общество создается только для самого себя.

Критикуя индивидуализм, де Бональд говорил, что в отличие от философов Нового времени, которые создали философию Я, он хотел создать философию социального человека, философию Мы. Де Бональд считал, что в обществе нет прав, а есть только обязанности. Он рассматривал государство как большую семью, которой и телом, и душой принадлежат все составляющие ее обездоленные индивидуумы. При этом он обосновывал идею вмешательства государства в материальную и моральную стороны жизни своих членов. Реализация идей Просвещения и Великой французской революции, утверждали духовные отцы консерватизма, приведет к обесцениванию унаследованных от предков традиций и бессмысленному разрушению моральных и материальных ценностей общества. У консервативных мыслителей так или иначе присутствует идея некоего жизненного начала всего реального мира. У некоторых русских мыслителей консервативной ориентации, например у В.С.Соловьева, в качестве такого жизненного начала выступала София — Душа мира, Премудрость Божия. Предполагалось, что человек в силу ограниченности разума не вправе бездумно браться за переустройство мира, поскольку он рискует задеть заключенную в этом мире духовность или жизненное начало. Отправным пунктом философии консерватизма является убеждение в греховной сущности человека. Для нее зло и страдания неотделимы от самого человеческого существования, и мудрость правителей состоит в том, чтобы свести к минимуму их последствия. На этом основании классический консерватизм отвергал абстрактные идеи индивидуальной свободы, прав человека и общественного договора, а также утилитаризм и веру в прогресс. Как утверждал, например, Э.Берк, над человеком давит проклятие первородного греха. В силу злой и греховной сущности своей природы он не ведает, что для него лучше и что хуже. Человек не только не способен переустроить общество, но и не должен стремиться к этому, поскольку такое стремление явилось бы насилием над естественными законами развития общества. Политические принципы следует приспосабливать к обычаям, национальным традициям, установившимся формам общественно-политических институтов. Свобода, о которой говорят идеологи Просвещения и Французской революции, говорил Берк, не имеет ничего общего с истинной свободой, дарованной английскому народу обычаем и традицией. Цель общества не в придумывании мнимых свобод, которые могут обернуться всеобщей анархией, а в сохранении и защите существующих свобод, основанных на традиции [7]. Характеризуя общество как амальгаму институтов, норм, моральных убеждений, традиций, обычаев, сам по себе факт их взаимосвязанности и единства они рассматривали как чудо истории, поскольку этот факт невозможно объяснить с рациональных позиций. Существующим институтам, по их мнению, следует отдать предпочтение перед любой теоретической схемой, какой бы совершенной она ни показалась с рациональной точки зрения. Поскольку все формы моральной и политической приверженности зиждятся на ассоциациях и поскольку ассоциации нельзя искусственно создать за короткое время, то разрушение унаследованных институтов крайне безответственно.

В конструкциях основателей консерватизма естественным и законным считалось лишь общество, основанное на иерархической структуре, отдельные части которой обеспечивают жизнеспособность и целостность общественного организма, подобно тому, как отдельные органы человеческого тела обеспечивают жизнеспособность и целостность всего его организма. Если либерализм и социализм возникли как классовые идейно-политические течения соответственно буржуазии и рабочего класса, то в этом смысле значительно сложнее обстоит дело с консерватизмом. В целом консерватизм отражает идеи, идеалы, установки, ориентации, ценностные нормы тех классов, фракций и социальных групп, положению которых угрожают объективные тенденции общественно-исторического и социально-экономического развития, тех привилегированных социальных группировок, которые испытывают возрастающие трудности и давление со стороны не только демократических сил, но и наиболее динамичных фракций имущих слоев населения.

Как писал один из видных представителей современного консерватизма М.Оукшот, быть консерватором значит "предпочесть проверенное непроверенному, факт тайне, реальное возможному, близкое далекому, достаточное сверхдостаточному, удобное совершенному...". В этом контексте консерватизм можно рассматривать как искусство политического компромисса, обеспечения Равновесия и умеренности. Очевидно, что консерватизм представляет собой нечто большее, чем просто защиту интересов тех или иных слоев населения. "Консервативное" включает в себя утвердившийся и общепринятый в обществе набор ценностей, детерминирующих поведение и образ мыслей значительных категорий людей, а также формы

приспособления к традиционным социальным нормам и институтам. Важное место в нем занимают глубинные традиционалистские и ностальгические тенденции, характерные для психологии массовых слоев населения. Нередко консервативные ценности и нормы поддерживают и отдельные группы Населения, интересам которых они объективно противостоят, поэтому консерватизм мог и может апеллировать не только к имущим, но и к отдельным группировкам из других слоев насел например к фермерам, лавочникам, ремесленникам, жителям сельской местности, которые испытывают страх перед будущим, несущим неопределенность и зачастую изменение социального статуса. Большое значение имеет и то, что консерватизм выдвигается в контексте религиозной социальной философии, как правило, претендующей на внеклассовость.

Гносеологической предпосылкой консерватизма является что общественно-политический процесс имеет двойственную природу. Это, с одной стороны, эволюция, развитие и отрицание старого, разрыв с прошлым и творение нового, а с другой - сформировавшееся положение, вбирающее в себя из прошлого все жизнеспособное, непреходящее, общечеловеческое. Любая общественно-политическая система может трансформироваться в одних своих аспектах, сохраняя преемственность в других аспектах. Историческая связь не может прерываться хотя бы потому, что разного рода декретами и постановлениями просто невозможно добиться ликвидации материальных условий бытия и духовной культуры. Ибо, как справедливо подчеркивал Н.Бердяев [6, с. 81 -82], в судьбе, воле каждой нации

...говорят не только живые, но и умершие, говорит великое прошлое и загадочное будущее. В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы . И то поколение, которое порвет с национальным прошлым, никогда не выразит духа нации и воли нации Ибо в духе нации и воле нации есть сила воскрешающая, а не смертоносная.

Форсирование процесса разрушения старого мира во имя построения на его развалинах нового мира, как показал исторический опыт, в лучшем случае занятие бесполезное, а в худшем — чревато трагическими последствиями. Даже глубокие социальные революции, как, например, Великая французская революция и Великая Октябрьская социалистическая революция в России, не имели своим следствием историческую амнезию двух народов и освобождение" от прошлого.. После них Франция и Россия не потеряли свою идентичность, свое национальное лицо в том смысле, что в обеих революциях, служивших в качестве поворотных пунктов на пути к новым формациям, были сохранены многие национальные традиции, обычаи, верования, стереотипы поведения другие элементы, составляющие субстрат национального сознания. Как писал английский этнограф и антрополог Э.Геллнер [19, с. 60], "человек XIX и XX столетий не просто индустриализовывался, он индустриализовывался как немец, русский или японец... Современная индустриальная высокая культура не бесцветна, она имеет "этническую окраску", которая является ее сутью". Иначе говоря, лишь при наличии взаимодействия и тесного переплетения двух начал: развития и творения нового, с одной стороны, и сохранения преемственности с прошлым — с другой, можно говорить об истории и общественно-историческом процессе. Поэтому вслед за О.Шпенглером можно сказать, что история представляет собой одновременно становление и ставшее.

Из этих двух начал консерваторы отдают предпочтение второму. Принимая существующее положение вещей, консерватизм делает акцент на необходимости сохранения традиционных правил, норм, иерархии власти, социальных и политических структур и институтов. В духе гегелевской формулы "все действительно разумно, все разумное действительно" консерватор рассматривает существующий мир как наилучший из всех возможных миров. Конечно, любая страна , любая нация нуждается в категории людей, партий и организаций, а также в обосновывающей их интересы идеологии, призванных сохранять, защищать и передавать будущим поколениям то, что достигнуто к каждому конкретному историческому периоду, ибо народ без памяти о прошлом — это народ без будущего». Приведем мудрую восточную поговорку: "В того, кто стреляет в прошлое из пистолета, будущее выстрелит из пушки". Нельзя не сказать и то, что любому обществу в целом есть что отстаивать, сохранять и передавать будущим поколениям.

Вместе с тем истинный консерватизм, призванный защищать статус-кво, обосновывать необходимость его сохранения, должен учитывать изменяющиеся реальности и

приспосабливаться к ним. Поскольку мир динамичен и подвержен постоянным изменениям, консерватизм не может отвергать все без исключения изменения. Показательно, что начиная со второй половины XIX в. и особенно в XX в. (в ряде случаев после второй мировой войны), приспосабливаясь к социально-экономическим и общественно-политическим изменениям, консерваторы приняли многие важнейшие идеи и принципы, которые они раньше отвергали, например, свободные рыночные отношения, конституционализм, систему представительства и выборности органов власти, парламентаризм, политический и идеологический плюрализм и т.д. При всей своей приверженности религиозной вере большинство консерваторов после второй мировой войны приняли рационализм и технократизм. Приняли они также отдельные кейнсианские идеи государственного регулирования экономики, социальных форм, государства благосостояния и т.д. В этом аспекте консерватизм претерпел глубокую трансформацию в 70-х — 80-х годах.

14.2. Новейшие течения консерватизма

Особенность этого периода состояла в кризисе левых — от коммунистических до социал-демократических и кейнсианских — моделей общественного развития. Консерватизм и правизна по сути дела заполнили тот вакуум, который образовался с утратой левыми интеллектуальной опоры, их ослаблением, дефицитом дееспособных идей и концепций на левом фланге. Привлекательности моделей и рецептов, предлагавшихся консерваторами и правыми, способствовало к тому же и то, что в 70-х и 80-х годах существенно изменилось отношение к консерватизму как идеологическому феномену. Сразу после второй мировой войны многие политические партии консервативной ориентации в европейских странах не рисковали принять название "консервативных", боясь быть отождествленными с фашизмом и реакцией. В настоящее время фашизм с его претензиями на "революционный консерватизм" для многих представителей гуманитарных и социальных наук Запада оказался как бы достоянием истории. И если раньше консерватизм был непопулярным термином, то в конце 70-х годов он вновь приобрел популярность. В ряде европейских стран возникли политические партии под названием "консервативная", правда с дополнением "прогрессивная", "народная", "демократическая" и т.д. Приход к власти в США в 1980 г. Р.Рейгана и его избрание на второй срок в 1984 г., победа Консервативной партии во главе с М.Тэтчер в Англии три раза подряд, результаты парламентских и местных выборов в ФРГ, Италии, Франции показали, что идеи и принципы, выдвигавшиеся этими силами, оказались созвучными настроениям довольно широких слоев населения.

Усиление позиций правых и консервативных сил выразилось в активизации в большинстве развитых стран усилий по их консолидации и координации на международном уровне, по выработке общих для них социально-философских и идейно-политических принципов и установок. Об этом свидетельствует, например, создание в 1983 г. Международного демократического союза, объединяющего консервативные партии Западной Европы* Республиканскую партию США, Либерально-демократическую партию Японии, а также австралийских консерваторов. В июне того же года в присутствии канцлера ФРГ Г.Коля, тогдашнего мэра Парижа Ж.Ширака и будущего президента США Дж.Буша, М.Тэтчер приветствовала новый "консервативный интернационал <как> великое средоточие мысли и духа" [154, с. 46].

Все варианты современного консерватизма и на национальном, и на международном уровне объединены определенным комплексом концепций, идей, принципов, идеалов, в совокупности составляющих течение консерватизма как особого типа общественно-политической мысли. В то же время при сравнении отдельных национальных вариантов консерватизма и анализе каждого из них обнаруживается весьма причудливое разнообразие оттенков, переходных ступеней, расхождений и т.д. Не случайно в западной литературе существуют разные мнения относительно вычленения и характеристики консерватизма: в нем, как правило, выделяют четыре, пять, семь, а то и более течений или направлений.

В целом в большинстве национальных вариантов современного консерватизма можно выделить неоконсерваторов, новых правых, традиционалистских или патерналистских консерваторов. При этом следует отметить, что в ряде стран отдельные группировки новых правых и части неоконсерваторов по комплексу вопросов, связанных с социально-экономической сферой и ролью государства в регулировании экономики идут настолько далеко, что их, как правило, объединяют в так называемое радикалистское течение консерватизма. К нему можно отнести прежде всего рейганизм в США и тэтчеризм в Англии, установки которых в том или ином сочетании были заимствованы неоправыми и неоконсервативными группировками Западной

Европы. Позиции этого крыла современного консерватизма по ряду вопросов, особенно это касается риторики, близки позициям либертариизма, представляющего собой довольно разнородное и аморфное течение, в котором Уживаются придерживающиеся самых разнородных воззрений и Убеждений обществоведы. Приверженцев либертариизма интересуют прежде всего законы и принципы функционирования рыночной экономики и роль государства в экономической сфере. либертариизм — это комплекс не только экономических, но и в не меньшей степени социально-философских, идейно-политических, морально-этических идей, концепций, установок, ориентации. В его основе лежит идея, согласно которой человек как единоличный хозяин своей жизни вправе поступать с ней по своему усмотрению до тех пор, пока он насильственно не вмешивается в жизнь Другого человека. Рассматривая общество как простой механизм, состоящий из автономных индивидов, либертариисты считают совершенным лишь атомистическое общество, противостоящее государству как враждебной силе. По вопросам, касающимся государственно-политической системы, соотношения экономических социальных и политических аспектов, взаимоотношений отдельного индивида, государства и общества, либертариисты — правы радикалы, занимая позиции правее не только либералов, но и консервативного лагеря. Они ратуют за изменение основ современного капитализма и восстановление принципов индивидуализма, свободных рыночных отношений, свободной конкуренции в их чистом виде. В крайних своих проявлениях либертариизм выступает за анархо-капитализм, т.е. свободно-рыночное общество, вообще не признающее государство.

Апелляция к принципам свободного рынка и свободной конкуренции, критика государственного вмешательства, государства благосостояния, социальных реформ и т.д. характерны для программных выступлений многих ведущих государственных и политических деятелей консервативной ориентации Запада. Однако большинство консервативных и неоправых политиков, учитывая изменения, происшедшие за последние десятилетия в структуре капитализма, сознает невозможность демонтажа механизмов государственного регулирования и возврат к системе, основанной всецело на принципах свободного рынка и неограниченной конкуренции. Это особенно наглядно обнаруживается при анализе их позиций в отношении программ социальной помощи, которые являются одним из важнейших объектов критики представителей консервативного лагеря. По мнению неоправых и неоконсерваторов, чрезмерно разросшиеся программы социальной помощи государства благосостояния разрушают сам принцип опоры каждого человека на самого себя, на собственные силы и воспитывают в людях иждивенческие настроения.

Но большинство консерваторов выступает за сохранение с теми или иными модификациями государства благосостояния. Как отмечает, например, американский неоконсерватор И.Кристол, неоконсерватизм — это "не развитие в стиле *laissez faire*, его цель — консервативное государство благосостояния". По мнению же Н.Глейзера, "победа Рейгана в 1984 г. — это победа консерватизма, впитавшего в себя основные постулаты государства благосостояния". А известный американский консервативный публицист Дж.Уилл даже написал статью под характерным названием "В защиту государства благосостояния".

Приступая к анализу собственно консервативного пласта современной западной общественно-политической мысли, следует отметить, что между новыми (особенно если отсечь от них крайне правых радикалов и другие экстремистские группировки) и неоконсерваторами, объединяемыми в радикалистское течение, весьма трудно провести сколько-нибудь четкую линию ограничения. Весьма сложно определить тот рубеж, где начинается традиционалистский вариант консерватизма. Этим объясняется тот факт, что в западной литературе наблюдается разноречивость по вопросу о включении тех или иных исследователей или политических деятелей в одно из названных течений. Речь идет прежде всего о Р.Рейгане, М.Тэтчер и Г.Коле, которых одни авторы называют неоконсерваторами, другие — новыми правыми, а первых двух — зачастую радикалистами. Американских политологов и социологов С.Хантингтона и Р.Нисбета одни причисляют к неоконсерваторам, другие — к традиционалистским консерваторам; Д.Белл, С.М.Липсет и Н.Глейзер, оспаривая позицию тех, кто считает их неоконсерваторами, называют себя либералами. В ФРГ имена Б.Вильмса, А.Молера, Г.Рормозера и других фигурируют в числе то новых правых, то традиционалистских, то правых консерваторов. Таких примеров можно привести множество.

В целом же часть консерваторов — это бывшие либералы или даже социал-демократы. И действительно, Г.-К.Кальтенбруннер вышел из леволиберальных кругов, Г.Машке в конце 60-х годов увлекался идеями студенческого самоуправления. Х.Люббе и А.Шван — бывшие социал-демократы. Большинство американских неоконсерваторов — бывшие социал-демократы и перебежчики из либерального лагеря. У новых правых идейно-политические ориентации, установки и ценности сформировались на стыке правого радикализма, традиционалистского

консерватизма и неоконсерватизма, поэтому у них установки и ориентации современного консерватизма имеют заостренную, жесткую, бескомпромиссную форму. Таким образом, расхождения между неоконсерваторами и новыми правыми зачастую не столько в основных исходных принципах, сколько в степени концентрации внимания на тех или иных их аспектах. Поэтому далее они анализируются в едином блоке, разумеется, с учетом, когда это необходимо, существующих между ними расхождений.

14.3. В чем состоит новизна современного консерватизма?

Как правило, в качестве одного из важнейших элементов Консерватизма рассматривается неприятие или неприязнь идеологий, идей, теорий и т.д. Как писал, например, известный американский поэт и историк консервативной ориентации Р.Вирек консервативное мышление носит "антитеоретический" характер в то время как либеральное мышление рационалистично и целенаправленно конструирует разного рода абстрактные схемы, в соответствии с которыми пытается переустроить общество.

Однако это лишь одно измерение консерватизма. Дело в том что сам консерватизм не что иное, как комплекс идей, концепций, принципов и т.д. Действительно, когда говорят об антиидеологичности и антитеоретичности консерваторов, имеют в виду не то, что у них вообще нет идей и теорий, а то, что они отдают предпочтение прагматизму, оппортунизму, компромиссу, а не абстрактным схемам. Они против абсолютизации любых идей и теорий тем более против их реализации в чистом виде на практике. И в этом, как представляется, они совершенно правы. Ведь история дает множество примеров, когда попытки реализации самых, казалось бы, прекрасных и совершенных идей заканчивались абсурдом оруэлловского толка, инквизицией, "ночами длинных ножей", бухенвальдами, ГУЛАГами и т.д. Да, консерваторы имеют идеи, концепции и теории, но они, как отмечает Л.Аллисон, концептуальные скептики в том смысле, что не интересуются открытием фундаментальных принципов политики и формулированием широких концепций. Они ищут ключи к решению проблем в практике и конкретных делах [83, с. 55].

Идеологичность консерватизма воочию обнаружилась во второй половине 70-х — 80-х годах, когда была поставлена задача его идеологического перевооружения. Один из лидеров американского неоконсерватизма И.Кристол заявил, что "неидеологическая политика — это безоружная политика". Как утверждал один из руководителей французских новых правых А.де Бенуа [94, с. 30],

...захват власти совершается не только благодаря политическому выступлению, посредством которого овладевают государственным аппаратом, но и благодаря долгосрочной идеологической подготовительной работе в гражданском обществе

Характеризуя с этой точки зрения ситуацию в Великобритании, английский публицист Д.Уотсон писал [154, с. 162]: "Впервые со времен Дизраэли британский консерватизм охвачен идеологической лихорадкой". Идеологизация или реидеологизация данного варианта консерватизма выражается в защите его представителями принципов свободных рыночных отношений, индивидуализма, свободной конкуренции, в критике государственного вмешательства, государства благосостояния, социальных реформ и т.д.

Традиционно консерватизм отождествлялся с защитой статус-К80, существующих в каждый конкретный исторический период институтов, социальных структур, ценностей и т.д. В действительности, как указывалось выше, консерватор не мог игнорировать все без исключения изменения. Берковскому стандарту государственного деятеля, как говорил сам Берк, отвечали "предрасположенность к сохранению и способность к улучшению, взятые вместе". Даже у Ж.де Местра, о котором сложилось представление как о решительном и бескомпромиссном защитнике феодальных и абсолютистских порядков, монархические и клерикальные взгляды уживались с определенной долей терпимости в религии и признанием неизбежности перемен. Он считал изменение "неизбежным признаком жизни". Более того, де Мэстр признавал факт эрозии старого порядка и неизбежность Великой французской революции. Однако он был убежден в том, что изменениям подвержены лишь формы вещей, а сущность их, будучи отражением божественной мысли, неизменна.

Нельзя не упомянуть, что у истоков социальных реформ стояли Б.Дизраэли, О.Бисмарк и др., внесшие заметный вклад в развитие современного консерватизма. Американский политолог и поэт П.Вирек рассматривал реформы как неизбежное зло, которое, по его словам, необходимо

провести постепенно без "антиисторической спешки — сверху", а не "методами толпы — снизу". Говоря словами английского романтика С.Т.Кольриджа, консерватизм признает постепенный и естественный рост общественных институтов, подобно тому как растет дерево, а "рационалистический либерализм", по утверждению П.Вирека, стремится механически манипулировать этими институтами, будто они представляют собой отдельные части мебели, которые можно заменить произвольно [152, с. 36, 43].

Такой подход присущ и большинству современных Консерваторов. Как отмечал, например, один из видных деятелей консервативной партии Великобритании Ф.Пим, консерватизм выступает за медленные и постепенные изменения, имеющие своей целью сохранение всего хорошего и исправление дурного. Например, в трактовке роли государства в различных сферах общественной жизни позиции консерватизма изменяются в зависимости от конкретных обстоятельств. Как справедливо отмечал Б.Гудвин [115, с. 150]:

...консерватизм - это своеобразный идеологический хамелеон, поскольку его облик зависит от природы его врага.

Иначе говоря, важнейшие положения консерватизма вались и эволюционировали в качестве ответной реакции на изменения в противостоящих ему идейно-политических течениях. И действительно, консерватизм носил вторичный по отношению к либерализму, различным формам буржуазного и социального реформизма, а также левого радикализма характер. С этой точки зрения идеологические и социально-философские конструкции консерватизма характеризуются эклектизмом и прагматизмом. Это определяет и другие важные его особенности — поливариантность и противоречивость, доходящая порой до прямой конфронтации несовместимость отдельных составных элементов.

Самое, казалось бы, парадоксальное в нынешнем консервативном ренессансе состоит в том, что консерваторы выступают инициаторами перемен. В этом плане неоправы и неоконсерваторы проявили изрядную степень гибкости и прагматизма, умение приспособливаться к создавшимся условиям. Они четко уловили настроения широких масс населения, требующих принятия мер против застоя в экономике, безработицы, стремительно растущей инфляции, расточительного расходования государственных средств, негативных явлений в социальной жизни. В значительной степени разгадка успеха представителей консервативных сил сначала в Англии и США, а затем в ФРГ, Франции и других странах кроется в том, что они предложили перемены в момент, когда большинство избирателей желало перемен. Показательно, что лейтмотивом предвыборных платформ большинства консервативных партий стали обещания перемен. На выборах 1979 г. М.Тэтчер, например, обещала полностью изменить политику господства государства во всех сферах жизни людей. В программе, предложенной на выборах 1980 г., Р.Рейган подчеркивал необходимость положить "новое начало Америки". Словарь германских консерваторов изобилует такими понятиями, как поворот, перемена, переоценка, новая ориентация, обновление и т.д.

Тяга широких слоев населения к переменам нашла соответствующее отражение и в общественно-политической мысли консервативной и правой ориентации. Объявив о смене тенденции, ее представители выдвинули лозунг "консервативного обновления". Как утверждал, например, германский неоконсерватор Г.-К.Кальтенбруннер [130, с. 9], "именно консерватор нашего времени знает, что не только многое изменилось, но и что многое нужно изменить". В этом плане неоправы идут еще дальше. Так, представитель американских новых правых П.Уэйрич заявил [139, с. 48]: "Мы не консерваторы, мы радикалы, стремящиеся к свержению истеблишмента". Подобная революционная фразеология характерна и для многих европейских консерваторов. Один из руководителей французских новых правых А.Бенуа утверждал, что "любой консерватизм революционен".

Особенность консерватизма 70-х — 80-х годов состоит также в том, что из противников научно-технического прогресса они превратились в убежденных его сторонников. Тесно связывая с ним изменения в различных сферах общественной жизни, французские неоправы претендовали на то, чтобы "подготовить почву для революции XXI в., которая соединила бы древнейшее духовное наследие с самой передовой технологией" [94, с. 199]. Быть консервативным означает "маршировать во главе прогресса", заявлял Ф.-Й.Штраус в 1973 г. на съезде ХСС. По словам видного деятеля ХДС Р.Вайцеккера, консерваторы — за прогресс, ибо "тот, кто закрывает дорогу прогрессу, становится реакционером".

Отказавшись от антитехнизма, неоконсерваторы прошли своеобразную метаморфозу и превратились в приверженцев технического прогресса и экономического роста. И наоборот, антисциентизм в отличие от прежних его форм, которые, как правило, возникали в рамках

философского иррационализма, в нынешних условиях характеризуется не правой или консервативной ориентацией, а левой и даже левозкстремистской ориентацией. Еще представители Франкфуртской школы как бы "отняли" антисциентизм у правых и интегрировали в идейно-политические и социально-философские конструкции левых сил. Сложилась ситуация, при которой апелляция к науке, способной решить стоящие перед обществом проблемы, стала рассматриваться как защита статус-кво и выражение политического консерватизма. В то же время по-своему толкуемый антисциентизм стал лозунгом отдельных левых и либеральных группировок, выступающих под лозунгом преобразования существующей системы на основе принципа "малое — это лучше", постматериальных ценностей и т.д. Другими словами, в оценке научно-технического прогресса и сциентизма Консерватизм и либерализм (левый либерализм), а также левые, по крайней мере отдельные группировки их приверженцев, как бы поменялись местами.

14.4. Социокультурный и религиозный аспекты консервативного мировоззрения

Для всех течений современного консерватизма, особенно для Новых правых и традиционалистов, характерна приверженность социокультурному и религиозному традиционализму. Отказ от традиционных ценностей рассматривается ими как главная на всех негативных явлений в современном обществе. При это под традицией подразумеваются универсальные, трансцендентальные ценности и принципы. Как утверждал, например, Р.Уивер, отрицание всего трансцендентального привело к релятивизму, рассматривавшему человека как "меру всех вещей", к отказу от доктрины первородного греха, которую заменили идеей о доброй природе человека. Поскольку лишь физический, чувственный мир стал считаться единственно реальным, начался упадок религии и восхождение рационализма и материализма. Исходя из подобных установок, консерваторы делают особый упор на исчезновении уверенности людей в себе, упадке таких традиционных ценностей, как закон и порядок, дисциплина, сдержанность, консенсус, патриотизм и т.д.

Эта сторона у них проявляется в откровенной ностальгии по более простому, более организованному и гомогенному миру, который, по их мнению, существовал в XVIII- XIX вв. в период свободнопредпринимательского капитализма. Они настойчиво приводят доводы и аргументы в пользу восстановления традиционных ценностей и идеалов с их акцентом на семье, общине, церкви и других промежуточных институтах. В них, как считает У.Вальдгрэйв, единство различных компонентов осуществляется родственными, географическими, экономическими, культурными или иными узами, обеспечивающими преемственность материальных и духовных ценностей.

Собственно говоря, новое у новых правых и неоконсерваторов в значительной степени состоит в том, что они делают на социокультурных и религиозных проблемах, на религиозном и культурном отчуждении. Как утверждал, например, представитель американских неоправых П.Уэйрич [155, с. 8], "сама суть нового правого — это основанный на морали консерватизм. ...Наши лозунги основываются не на экономической теории, а на религиозных взглядах".

Показательно, что зачинатели французского неоправого движения первоначально декларировали, что будут ограничивать свою деятельность исключительно сферой культуры. Однако в трактовке того, что понимать под действительно традиционными ценностями, неоконсерваторы и новые правые США и ряда других стран значительно расходятся. Так, большинство американских новых правых — ревностные приверженцы протестантского фундаментализма, основанного на буквалистском толковании Библии, религиозном фанатизме, враждебности к инакомыслию и т.д.

В некоторых западноевропейских странах неоконсерваторы И особенно отдельные группы неоправых придерживаются иных позиций. Например, в ФРГ и Франции они видят свою задачу в воздуха старой Европы, в которой, как считает Ж.К.Валла, "переплелись корни греческой, латинской, кельтской, германской и славянской культур". Возврат к прошлому мыслится этими идеологами новых правых как отказ от иудеохристианской традиции, возрождение ценностей языческой Европы на базе синтеза начал Аполлона и Диониса. "Песнь мира — языческая, таково послание революции грядущего века", утверждают французские новые правые [94, с. 19]. Христианство не устраивает их тем, что оно своим монотеизмом уравнивает всех верующих, вносит в "европейское сознание революционную антропологию, основанную на идеях эгалитаризма и тоталитаризма". Что касается древней индоевропейской традиции, или, проще говоря, язычества, то оно привлекает их своим политеизмом, служащим как бы современным вариантом политико-культурного и мировоззренческого плюрализма.

Особенность идейно-политических позиций новых правых Франции, ФРГ и некоторых других стран Западной Европы состоит в широком использовании новейших этнологических и психологических теорий в их приложении к политическим реалиям современности. Тезис о глубоких различиях между расами, порожденных специфическими различиями в природно-климатических и историко-культурных условиях их жизни и эволюции, ссылки на этноплюрализм, этническое и культурное разнообразие дают новым правым возможность использовать антиколониалистские лозунги левых для обоснования "генетической предрасположенности" каждой расы к раз и навсегда установившейся социокультурной модели. Для обоснования своих позиций по данному вопросу они, используя заимствованную у средневековых номиналистов идею отрицания объективной "универсальной логики", ставят перед собой задачу развенчать универсальную этику, универсальные ценности и т.д. Такая позиция вытекает из тезиса, что в мире нет и не может быть ни общих принципов, ни идей-универсалий. Переноса этот постулат на этнокультурную сферу, обществоведы ФРГ и Франции новой правой ориентации считают, что за любым универсализмом скрывается тот или иной этноцентризм, навязывающий другим народам свои ценности и понятия. По их мнению, каждая цивилизация имеет собственную, неповторимую логику развития. Здесь явно напрашивается сравнение с Ф.Ницше, который говорил [49, с. 68]: "Каждый народ имеет свой язык добра и зла: этого языка не понимает сосед — свой язык нашел он себе в обычаях и нравах". Новые правые вполне обоснованно подчеркивают, что каждый народ имеет собственную историю, определяющую его культуру характер, психологию, традицию, обычаи — все то, что составляет его судьбу — прошлое, настоящее и будущее. Но вместе с тем любой народ независимо от его численности и географического региона существует не в изолированных друг от друга резервациях, а в сообществе с другими народами, составляющими в совокупности человечество. Само конституирование человечества, его существование и жизнеспособность как единого целого были бы невозможны, если бы для составляющих его народов не были характерны помимо специфически национальных и этнических черт и особенностей общечеловеческие черты, ценности, нормы или, говоря словами самих новых правых, универсальные ценности, универсальная этика и т.д.

Интерес неоправых и неоконсерваторов к социокультурным и морально-этическим проблемам отнюдь не случаен — он имеет под собой реальную основу. Если совсем недавно проблематика культуры представляла собой как бы неотчуждаемую собственность философии культуры или в лучшем случае философии истории, то в последние десятилетия она приобрела социологическое и политологическое измерения, обнаружив органическую связь с социально-экономическими проблемами. И не удивительно, что известный американский социолог Д.Белл пытался объяснить суть конфликтов в современном западном обществе "культурными противоречиями капитализма". Белл отдавал приоритет политике перед социальной структурой и культуре — перед политикой, поскольку, по его мнению, именно культура самым непосредственным образом связана с ценностями и идеалами, которые в конечном итоге формируют историю. Культура определяет социальное и политическое поведение, поэтому причина современных конфликтов заключается в "культурных противоречиях капитализма" [92].

Придавая первостепенное значение культуре в качестве системообразующей категории, одну из своих главных целей неоправые видят в ликвидации "монополии левых в области культуры" и завоевании "культурной власти над обществом", считая это необходимой предпосылкой для завоевания политической власти. Как писал, например, А. де Бенуа, "нельзя овладеть политической властью без предварительного завоевания культурной власти". Примечательно, что они называют свою стратегию правым грамшизмом.

14.5. Проблемы свободы, демократии и государства в трактовке консерватизма

Значительное место в конструкциях современных консерваторов занимают проблемы свободы, равенства, власти, государства, демократии и т.д. Следует отметить, что в трактовке данных проблем большинство консерваторов считают себя решительными защитниками прав человека и основополагающих принципов демократии.

Для неоконсерваторов и неоправых характерно амбивалентное отношение к государству. "Человек рожден свободным, но он всюду в цепях", — говорил Ж.-Ж.Руссо. "В цепях он и должен быть", — отвечает на это консерватор, защищающий "необходимые цепи традиции и исторической преемственности", на которых, по его мнению, основываются гражданские свободы [152, с. 158]. С одной стороны, в глазах консерваторов государство — это источник и

защитник закона и морали. Без сильного государства общество может оказаться во власти анархии. Для них характерно позитивное, зачастую авторитарное отношение к государству, что в свою очередь предполагает или порождает антииндивидуализм. Н.Бэрк пишет [91, с. 25]:

Хотя защита частной собственности, рынка, личной свободы является формальным выражением консерватизма, она редко имеет своим основанием индивидуалистическую философию и почти всегда подчинена требованиям стабильности и преемственности.

С другой стороны, сильное государство может оказаться инструментом подавления индивидуальной свободы. Поэтому теоретики консерватизма постоянно подчеркивают важность ассоциаций людей, меньших по размеру, чем государство.

При необходимости выбора между индивидом и обществом значительная часть консерваторов ставит на первое место общество. По их мнению, последнее, будучи значительно шире правительства, исторически, этически и логически выше отдельного индивида. Права отдельного человека носят одновременно и естественный, и социальный характер: естественный, потому что принадлежат человеку, созданному богом в качестве части великого плана мироздания, а социальный, потому что человек может пользоваться этими правами лишь в организованном обществе. Правительство является политическим орудием общества, приданным обеспечить и защищать естественные права человека, а стабильная и эффективная экономика — это слияние индивидуального предпринимательства, групповой кооперации и правительственного регулирования.

Наиболее далеко идущие выводы и в данном вопросе делают отдельные новые правые группировки Западной Европы. Так, сторонники неоправой группировки ГРЕС отвергают традиционное христианско-либеральное предпочтение индивидуального коллективному, противопоставление понятий "свобода" и "господство". Осуждая стремление человека Нового времени отказаться от принципов авторитарности и иерархии, от "мира, каков он есть", ради "мира, каким он должен быть", они призывают заменить идею прав человека идеей прав коллектива. По их мнению, "народ имеет право, нация имеет право. Общество и государство имеют право". Что же касается отдельной личности, то она обладает правами постольку, поскольку принадлежит к конкретной "исторической, этнической, культурной сфере". Этот подход играет значительную роль в традиционалистском консерватизме, который обладает наиболее сильными позициями в странах Западной Европы. Учитывая этот факт, Э. фон Кэюнельт-Леддин даже утверждал, что европейцам чужд американский "коммерческо-капиталистический консерватизм" [131, с. 133-135].

Традиционалистский консерватизм представлен патерналистским крылом в английском торизме, голлизмом во Франции, правыми консерваторами и частью представителей социал-консерватизма в ФРГ. Разделяя многие из изложенных выше позиций, они в ряде аспектов значительно расходятся с новыми правыми и радикалистскими группировками неоконсерваторов в трактовке роли государства, его взаимоотношений с обществом, отдельным индивидом, свободы и свободных рыночных отношений и т.д. Как отмечал, например П.Уорстхорн [157, с. 159]: "социальная дисциплина... представляет собой значительно более плодотворную... тему для современного консерватизма, чем неиндивидуальная свобода". Большой интерес в рассматриваемом плане представляет модель, предлагаемая французским голлизмом. Либерализм не устраивает голлистов своим "эгоизмом и индивидуализмом" и стремлением "навязать обществу власть технократии", т.е. элитарного и кастово замкнутого института профессионального менеджмента, представляющего собой "антипод любого демократического режима". Главная ошибка либералов, по мнению голлистов, состоит в игнорировании того, что "средний француз невраждебно относится к дирижизму", т.е. государственному регулированию.

Центральное место в голлистской доктрине занимает тезис о приоритете французской нации и о величии Франции. Это, по мнению голлистов, может быть обеспечено только сильным государством.

Примерно такой же точки зрения придерживаются английские консерваторы-традиционалисты. В качестве важного шага в направлении преодоления наметившегося во второй половине 70-х — начале 80-х годов кризиса доверия консерваторы предлагают восстановление авторитета и престижа власти и правительства. Продолжая развивать традиционный постулат консерваторов о том, что власть — предпосылка всех свобод, они придают первостепенное значение закону и порядку, авторитету и дисциплине, полагая, что современное "производительное общество" —

общество повиновения и послушания, а государство для достижения этих целей вправе принимать соответствующие меры. Подлинный порядок в обществе зиждется, по их мнению, на образовании, дисциплине и институтах, а свободу может обеспечить только сильное государство. Говоря словами Г.-К.Кальтенбруннера, они рассматривают власть как "не поддающийся устранению факт мировой истории... естественный и существенный признак любой политики, элементарное выражение человеческой природы".

Консерваторы в значительной степени правы, рассматривая власть и необходимость подчинения дисциплине как важный атрибут государственности. И действительно, где нет дисциплины, закона и порядка, там нельзя говорить об эффективности и дееспособности государственно-политических институтов, об их полной легитимности в глазах основных категорий населения. В современных условиях позиции консерваторов по данным вопросам приобретают дополнительную значимость, что увеличивает их притягательность для части населения. Более того, представители почти всех национальных вариаций консерватизма пытаются привести новые аргументы в пользу традиционного для него синтеза индивидуализма и авторитета государства, индивидуальной свободы и всеобщей воли.

Для приверженцев традиционалистского или патерналистского консерватизма характерен больший, чем у новых правых и неоконсерваторов, упор на традицию, тесно привязанную к религии. Заметим, что американские новые правые отдают предпочтение модернизированным формам вероисповедания через так называемые электронные церкви. Их европейские единомышленники выступают вообще за отказ от иудеохристианской традиции и возрождение язычества. Неоконсерваторы, по крайней мере значительная их часть, являются приверженцами либеральных церквей или же деистами. Традиционалистские консерваторы склонны в большей степени поддерживать католицизм и протестантизм в их традиционных ипостасях, подразумевая под традицией универсальные, трансцендентные ценности и принципы, которые пронизаны религиозным духом. Отказ от этих ценностей и принципов рассматривается ими как главная причина всех негативных явлений в современном обществе.

В целом идеи и концепции традиционного консерватизма, которые в тех или иных пропорциях интегрировали в себя и остальные варианты консерватизма, сводятся к следующему: вера в естественный закон, независимый от воли людей, и убеждение в том, что человеческое общество представляет собой своего рода "духовную корпорацию", такую, как церковь. Порядок, справедливость и свобода являются продуктами очень длительного периода человеческой истории. Поэтому для обеспечения стабильности "общества-корпорации" первостепенное значение имеет сохранение "беспрерывной преемственности и связи жизненной артерии". Изменения в обществе не должны осуществляться каким-либо искусственным образом, поскольку оно само производит их естественным путем.

Консерваторы предпочитают известное неизвестному, настоящее и прошлое — будущему. По их мнению, для сохранения стабильности человеческого общества безопаснее руководствоваться мудростью, унаследованной от прошлых поколений, чем решать каждый вопрос, исходя из личного мнения и личного разума. Основываясь на этом постулате, они придерживаются следующих принципов:

— "индивид глуп, а род мудр";

— для "здорового" разнообразия в обществе должны существовать различные группы и классы, различающиеся своим экономическим положением и многими другими формами неравенства;

— истинное равенство — только перед богом;

— жизнеспособность общества наилучшим образом обеспечивается, если оно направляется мудрым и способным руководством, а если разрушить естественные и институциональные различия, то вакуум заполняется тираном;

— частная собственность — продукт человеческого разнообразия, без нее свобода невозможна, а общество обречено на гибель.

Подводя итоги изложенного, можно констатировать, что современный консерватизм, прошедший длительный путь исторического развития, представляет собой весьма сложное и многослойное образование, в котором уживаются самые разнообразные, порой конфликтующие между собой идеи, концепции, установки и принципы. Поэтому естественно, что он пронизан глубокими противоречиями. Как отмечал Л.Аллисон, консерваторы являются одновременно "индивидуалистами и коллективистами, приверженцами авторитаризма и свободы, мистиками и разумными практическими людьми" [83, с. 18]. Разнородны и противоречивы выдвигаемые ими идеи и рецепты решения проблем, стоящих перед капиталистическим обществом. С одной стороны, они ратуют за восстановление принципов свободной конкуренции и свободных рыночных отношений, а с другой — подчеркивают свою приверженность традиционным ценностям и идеалам с их упором на семью, общину, церковь и другие промежуточные

институты, которые подрываются в процессе реализации принципов свободной рыночной экономики. Вместе с тем традиционалистское и патерналистское течения консерватизма выступают в защиту сильной власти и государства, видя в них средство обеспечения закона и порядка, сохранения традиций, национального начала и т.д. Здесь, пожалуй, наиболее отчетливо высвечиваются противоречивость, амбивалентность позиций консерваторов в трактовке проблем свободы, равенства, прав человека и соотношения последних с традицией, государством. Такая позиция вполне объяснима, если учесть, что проблемы слишком сложны и деликатны и их невозможно объяснить с помощью простых и однозначных формул, доводов и аргументов. Особенно бережно и осторожно к трактовке этих проблем следует подходить в периоды крупных социально-экономических сдвигов, когда людям свойственно впадать в крайности, которые почти всегда чреваты непредсказуемыми негативными последствиями. В условиях масштабных и глубоких перемен, которые в настоящее время переживает наша страна, умеренность, взвешенность, здравый смысл, характерные для консерватизма, способны послужить противовесом таким крайностям.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Назовите важнейшие сущностные характеристики консерватизма
2. Назовите основные течения современного консерватизма. Перечислите различия и точки схождения между ними.
3. В чем вы видите новизну неоконсерватизма и новых правых?
4. Объясните место и роль социокультурного и религиозного традиционализма в консерватизме.
5. Каково отношение современного консерватизма к государству благосостояния?
6. Каковы позиции консерваторов в трактовке проблем свободы, демократии, государства?